

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ: КОНКУРЕНЦИЯ, КОНФРОНТАЦИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО

Аннотация. Взаимоотношения власти и общества в России – один из центральных сюжетов отечественной истории. Эта динамика вызывает различные и порой диаметрально противоположные оценки. В предлагаемой читателям журнала дискуссии представлен широкий спектр подходов к рассмотрению вечного российского спора. Было ли российское государство в разных формах его существования моносубъектом отечественной истории? Можно ли говорить о том, что общество в России было подавлено властью или, напротив, оно время от времени бросало вызовы государству и способствовало его коллапсам? В какие периоды власть и общество вступали во взаимовыгодную кооперацию и на каких условиях? Все эти вопросы обсуждают участники дискуссии. Они предлагают различные версии ответов, которые, конечно же, не являются попыткой вынесения окончательных и безоговорочных вердиктов. Дискуссия приглашает к продолжению полемики историков, специалистов по международным отношениям, политологов и социологов.

Ключевые слова: Россия, государство, власть, гражданское общество, моносубъектность, интеллектуальная элита, интеллигенция, казачество.

Цитирование: Маркедонов С.М., Рябов А.В., Курилла И.И., Бордюгов Г.А. Власть и общество в России: конкуренция, конфронтация, сотрудничество // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 204–242. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-204-242 / Markedonov S.M., Ryabov A.V., Kurilla I.I., Borydyugov G.A. Power and Society in Russia: Competition, Confrontation, Cooperation, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 204–242. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-204-242.

© Маркедонов С.М., Рябов А.В., Курилла И.И., Бордюгов Г.А., 2022

Вопросы дискуссии:

1. В отечественной историографии и политической публицистике укоренилась традиция рассматривать государство в качестве главного действующего лица и даже «моносубъекта» (Ю. Пивоваров, А. Фурсов) российского исторического процесса. Тем не менее, в определенные периоды своей истории Русский Левиафан оказывался не в состоянии противодействовать не внешним, а внутренним вызовам. В эти моменты власть, способная пережить иноплеменные нашествия и создать могущественную империю, по словам Василия Розанова, «линяла за два дня». Так было в феврале 1917 года, так произошло и в декабре года 1991. В чем Вы видите основные причины таких сценариев? Есть ли в них определенная закономерность? И если да, то как и в чем она проявляется.
2. Если русская власть в разные периоды своего существования рушилась под влиянием, прежде всего, внутренних неурядиц, то не логично ли говорить о, как минимум, еще одном субъекте отечественного исторического процесса – о русском обществе как конкуренте государства, его сопернике или даже враге? Какие черты характерны для этого субъекта на разных этапах развития нашей страны? Можем ли мы говорить о его уникальности по сравнению с европейскими странами?
3. Известный русский мыслитель Петр Струве говорил о двух «противогосударственных началах» в нашей истории – казачестве и интеллигенции. Что объединяет эти два очень разных, на первый взгляд, феномена? И если интеллигенция – не синоним образованного класса или «слоя интеллектуалов», то что она такое в Вашем понимании? Какова ее миссия? И существует ли она вообще в качестве социальной реальности, за рамками интеллектуального конструирования?
4. В русском обществе на протяжении веков формировалось представление о власти как о главном вызове и угрозе для свободы. Но продвигалась ли Россия ближе к свободе, когда наступал коллапс власти и хаотизация? Так было и в период «Смуты», выход из которой был зарифмован с укреплением крепостничества. Так стало и в 1917 году, когда праздник свободы завершился победой большевиков? В чем опасность хаоса для свободы? И не стоит ли эту угрозу рассматривать, как опасность бóльшую, чем авторитарная власть?

Участники дискуссии:

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России.

Рябов Андрей Виленович, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Курилла Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Бордюгов Геннадий Аркадьевич, кандидат исторических наук, профессор, президент Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI).

POWER AND SOCIETY IN RUSSIA: COMPETITION, CONFRONTATION, COOPERATION

Abstract. The relationship between the state and society in Russia is one of the central plots of its history. This dynamic causes different and sometimes diametrically opposite assessments. The discussion offered to the readers of the magazine presents a wide range of approaches to the consideration of the eternal Russian dispute. Did the Russian state in various forms of its existence monopolize the subjectivity of national history? Is it possible to say that society in Russia was suppressed by the authorities or, on the contrary, from time to time it challenged the state and contributed to its collapse? In what periods did the government and society enter into mutually beneficial cooperation and on what terms? All these issues are discussed by the participants of the discussion. They offer different versions of the answers, which, of course, are not an attempt to make final and unconditional verdicts. The discussion offers historians, specialists in international relations, political scientists and sociologists to continue the polemic in the future.

Keywords: Russia, state, power, civil society, mono-subjectivity, intellectual elite, intelligentsia, Cossacks.

Discussion questions:

1. Tradition to regard the state as the main actor and even a “mono-subject” (Yu. Pivovarov, A. Fursov) of the Russian historical process is deeply rooted in Russian historiography and political journalism. Nevertheless, during certain periods of its history, the Russian Leviathan turned out to be unable to counteract not external, but internal challenges. At these moments, the government, capable of surviving foreign invasions and creating a powerful empire, just “packed up and run”, according to Vasily Rozanov. It happened in February 1917, and the same happened in December 1991. What do you see as the main reasons for such scenarios? Is there a certain pattern? And if there is, in what way does it manifest itself?
2. If Russian power in different periods of its existence collapsed suffering, first of all, the internal troubles, then would it be logical to talk about at least one more subject of the Russian historical process – the society as a competitor of the state, rival or even enemy? What are the characteristics of this subject at different stages of the development of our country? Can we talk about its uniqueness compared to European countries?
3. The well-known Russian thinker Pyotr Struve spoke about two “anti-state forces” in our history – the Cossacks and the intelligentsia. What unites these two very different, at first glance, phenomena? And if the intelligentsia is not a synonym for the educated class or the “stratum of intellectuals”, then what is it? What is its mission? And does it even exist as a social reality, beyond the scope of intellectual construct?
4. The idea of a government as the main challenge and threat to freedom had existed in the Russian society over the centuries. However, was Russia moving closer to freedom when there was the collapse of government and chaos? This was the case during the Time of Troubles, the way out of which was paralleled by the strengthening of serfdom. This was the case in 1917, when a high day of freedom ended with the victory of the Bolsheviks. What does chaos do to freedom? And should this threat be considered as a greater danger than authoritarian power?

Discussants:

Markedonov Sergey M., Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO).

Ryabov Andrey V., Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Science.

Kurilla Ivan I., Doctor of Sciences (History), Professor, European University at St. Petersburg.

Bordyugov Gennadiy A., Candidate of Sciences (History), Professor, President of the Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI).

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ VS ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: ВЕЧНАЯ РОССИЙСКАЯ ДИЛЕММА?

Маркедонов Сергей Мирославович

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия
smarkpost@gmail.com

Аннотация. В статье утверждается, что ключевым конфликтом русской истории было противостояние авторитарного государства и фундаменталистки настроенного общества. Общественный авторитаризм был реакцией на закрытую властную систему, не готовую к широкому диалогу и учету независимого мнения. Государство, обеспечивавшее на протяжении веков территориальное расширение, безопасность и социально-экономическое развитие, в периоды необходимых преобразований теряло способность эффективно реагировать на поступающие вызовы. В то же время лидеры общественного мнения и интеллектуалы оказывались не готовы к конструктивному взаимодействию с государством. Более того, такое взаимодействие рассматривалось, как отказ от идеалов свободы, проявление беспринципности и конформизма. Автор утверждает, что антигосударственность общества и антиобщественность государства способствовали постоянным колебаниям России между двумя полюсами — крайним авторитаризмом или коллапсом властной системы, сопровождавшейся гражданскими войнами, революциями, смутами, распадом страны.

Ключевые слова: государство, общество, авторитаризм, фундаментализм, революция, власть, интеллигенция, автономия.

Цитирование: Маркедонов С.М. Общественный фундаментализм vs государственный авторитаризм: вечная российская дилемма? // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 208–217. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-208-217 / Markedonov S.M. Social Fundamentalism vs. State Authoritarianism: Eternal Russian Dilemma?, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 2. Pp. 208–217. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-208-217.

© Маркедонов С.М., 2022

SOCIAL FUNDAMENTALISM VS. STATE AUTHORITARIANISM: ETERNAL RUSSIAN DILEMMA?

Markedonov Sergey M.

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),

Moscow, Russia

smarkpost@gmail.com

Abstract. The article argues that the key conflict in Russian history is the confrontation between the authoritarian state and the fundamentalist-minded society. Public authoritarianism was a reaction to a closed power system that was not ready for a broad dialogue and consideration of independent opinion. The State, which has ensured territorial expansion, security and socio-economic development for centuries, has lost its ability to respond effectively to incoming challenges during periods of necessary transformations. At the same time, public opinion leaders and intellectuals were not ready for constructive interaction with the state. Moreover, such interaction was considered as a rejection of the ideals of freedom, a manifestation of unscrupulousness and conformism. The author argues that the anti-statehood of society and the anti-social nature of the state contributed to Russia's constant fluctuations between the two poles – extreme authoritarianism or the collapse of the power system, accompanied by civil wars, revolutions, mutinies, and the collapse of the country.

Keywords: state, society, authoritarianism, fundamentalism, revolution, government, intelligentsia, autonomy.

В начале XX столетия выдающийся русский мыслитель Петр Бернгардович Струве утверждал, что в России «государство антиобщественно, а общество антигосударственно». Анализируя причины и последствия революционных потрясений 1905–1907 гг., он приходил к выводу, что «разрыв власти с наиболее культурными элементами общества» — опасная аномалия, «червь, который всего сильнее подтачивает нашу государственную мощь» [Струве, 1908, с. 155]. События февраля и октября 1917 г. сполна подтвердили правильность этих выводов. Российская власть и активная часть общества не смогли объединиться для того, чтобы работать на укрепление государственной мощи, которая не противоречила бы реализации прав и свобод населения. Сила державы противопоставлялась автономии личности, найти оптимум между двумя этими системами ценностей в начале XX в. не удалось. Как, впрочем, и столетие спустя.

Однако констатации этого факта для объяснения сложной динамики отношений российской власти и общества недостаточно. В отечественной историографии и политической публицистике укоренилась традиция рассматривать государство в качестве главной действующей силы в истории России. Так, по словам Б.Н. Чичерина, сам народ России был создан государством, которое «собрало под свою власть отдельных лиц, блуждавших по ее необъятным просторам» [Чичерин, 1858, с. 376]. Во многом взгляды дореволюционных исследователей на своеобразие исторического пути России (особое значение природно-климатического фактора для нашей страны и патернализм как основа внутривластных и общественных отношений) перекочевали в современную историографию. Известный историк-аграрник академик Л.В. Милов ввел в оборот такое понятие, как «компенсационные механизмы выживания», позволявшие России на разных этапах ее развития замещать воздействие неблагоприятных природно-климатических факторов на ее социально-экономическое и политическое развитие. И в этом контексте, по мнению ученого, поддерживаемое автократическим государством крепостничество и община видятся не как аномалии, а особенности российского развития [Милов, 1998, с. 554–572]. Это объясняет и жесткое доминирование властной бюрократии во всех сферах, и слабо развитое местное самоуправление, и позднее формирование (по сравнению со странами Западной Европы) сословий. Во многом и сами сословия были производными от государства. В этом плане понятен и пафос Ричарда Пайпса (несмотря на изрядную долю политизации в его известной книге «Россия при старом режиме»), писавшем о русской «буржуазии, которой не было» [Пайпс, 1993, с. 252–291]. Речь, конечно же, о том, что буржуа в России во многом появились не вследствие саморазвития снизу, а как результат государственных усилий по проведению модернизации страны.

Тем не менее, бросается в глаза и другой факт. Самодостаточный и самоценный Русский Левиафан в определенные периоды своей истории в считанные дни и часы оказывался не в состоянии противодействовать не внешним, а внутренним вызовам. В эти моменты могущественное государство, выглядевшее демиургом политической действительности, по образному выражению В.В. Розанова «ляляло

в два дня, самое большое – в три» [Розанов, 2000, с. 6]. Известный политолог-международник Д.В. Тренин говорит о необходимости усвоить важный урок отечественной истории: «Российское государство практически непобедимо извне, но оно рухнет до основания, когда значительная масса русских людей разочаровывается в своих правителях и существующей несправедливой или неработающей общественной системе» [Тренин, 2022, с. 27]. Так было в феврале–марте 1917 г., когда рухнуло здание Российской империи. Советская Россия, а затем СССР не были ее правопреемниками. Напротив, большевистские лидеры позиционировали себя как революционеров, провозглашали разрыв со «старым миром». Однако создатели советского государственного проекта смогли «собрать» из различных «осколков» бывшей империи страну, чьи границы во многом повторяли прежние контуры дореволюционной России. И не просто собрать, а в 1940-х гг. интегрировать ряд территорий, которые не находились под скипетром Рюриковичей и Романовых (Галиция, Закарпатье). После завершения Второй мировой войны советская держава уверенно вошла в «высшую лигу международной политики», став одной из соучредительниц ООН и одним из гарантов послевоенного миропорядка. Такое вхождение было бы невозможно без модернизационного рывка, осуществленного, правда, с огромными гуманитарными издержками. Однако и это здание, устоявшее перед дипломатической изоляцией и вторжением Третьего рейха с его сателлитами, установившее биполярный мир и в течение полувека бывшее альтернативным полюсом США и их союзникам, в декабре 1991 г. постигла во многом та же судьба, что и российский имперский колосс в феврале 1917 г.

Социально-политические коллапсы, менявшие в одночасье не только страну, судьбы миллионов людей, но и карту мира, не были и не могли быть какими-то сюрпризами. Секрет быстрых падений российской власти на самом деле оказывается не таким уж сложным, если мы делаем вывод о том, что российский исторический процесс не был государственной монополией. И в нем помимо властных институтов действовал не менее важный игрок – российское общество. Исследователи, представляющие разные философские традиции и научные школы, сходятся во мнении, что государственная система в России представляла собой нечто уникальное. Но, соглашаясь с таким выводом, необходимо предпринять следующий логический шаг – признать, что российское общество также являет собой феномен, отличающийся от европейских аналогов. В России на протяжении веков авторитаризм государства формировал общественный фундаментализм. Более того, они подпитывали друг друга. Претензии Русского Левиафана на социально-политическую монособъектность не могли не рождать симметричных ответов у его исторического соперника. Их противоборство во многом стало нервом российской истории.

Однако в исторической науке и публицистике мы наблюдаем очевидные перекосы. Авторы фокусируют внимание на авторитарной природе российского государства. На этом фоне феномен общественного радикализма и революционизма исследован явно недостаточно. Наиболее яркими примерами обращения к этой теме мы могли бы назвать попытки авторов сборников «Вехи» [Вехи, 1990] и «Из глубины»

[Из глубины, 1991] разобраться в природе интеллигентского антигосударственничества. П.Б. Струве видел в русской интеллигенции «особую культурную категорию», «порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития» [Струве, 1990, с. 131]. При этом, авторы «Вех» и «Из глубины» фактически не рассматривали общественный радикализм в России как системное явление, имеющее корни в национальной традиции. Исключением здесь является разве что упомянутый выше П.Б. Струве, который назвал своеобразным предшественником интеллигенции в качестве антигосударственной силы казачество. Однако, не будучи специалистом по казачьей истории, он не провел дифференциации между так называемыми «вольными казаками», не подчинявшимися де-факто государственной юрисдикции и служилым сословием, которое начиная с первой четверти XVIII столетия, стало одним из столпов имперского порядка [Маркедонов, 2005].

С нашей точки зрения, контрпродуктивно объяснять генезис общественного фундаментализма одним лишь «импортом» тех или иных политических идей с Запада. В Россию в разные времена проникали не только социалистические или либеральные идеи, но и националистический консервативный романтизм (сыгравший важную роль в формировании такого интеллектуального течения, как славянофильство), и разные версии монархизма. Но какие бы идеи ни приходили к нам из-за рубежа, общественный радикализм сохранялся. Он мог быть реализован под разными знаменами и с различными культурами в спектре от Жан-Жака Руссо, Карла Маркса и до Людвиг фон Мизеса. Но сам фундаментализм деятелей, претендующих на звание выразителей независимого от государства общественного мнения, сохранялся. И нам важно понять причину такого развития.

Определяя общество как сферу, которая автономна от государственной власти, мы фиксируем, что в России оно возникло позже, чем государство. При «компенсационных механизмах выживания» все, что не связано непосредственно с вопросами мобилизации материальных и человеческих ресурсов, не слишком востребовано. Что же касается свободы, то таковая видится как прямой вызов для государства, обеспокоенного защитой границ в условиях низкой плотности населения, протяженности территории и отсутствия естественных защитных рубежей в виде горных массивов. Василий Ключевский особо подчеркивал роль военного дела среди «всех частей государственного управления» в Московском государстве. По его мнению, оно, по сути, подчиняло себе всю властную систему [Ключевский, 1991, с. 63]. Государство при реализации такой модели становилось гигантской военномобилизационной машиной. Такой порядок возник не сам по себе. И уж, конечно, не из-за особой склонности русского народа к тирании. П.Н. Милюков указывал на то, что ход и порядок формирования государственной системы в России определялся не столько внутренней динамикой, сколько «внешними потребностями, насущными и неотложными: потребностями самозащиты и самосохранения» [Милюков, 1898, с. 117]. Как следствие — политика «закрепощения» различных сословий и выстраивание иерархии служебных обязанностей сверху донизу [Градовский, 1875].

С.М. Соловьев метафорично определил одну из ключевых задач российской государственной организации как «гоньбу за человеком» [Соловьев, 1960, т. VII, с. 43].

Для государства, выстроенного как военно-мобилизационная машина, не было необходимости получать для своих действий и планов некое одобрение снизу. Чтобы избавиться от упомянутой выше «гоньбы» за человеком массы населения (не только крестьян, но также служилых «по отечеству» и «по прибору») уходили в Дикое поле. Н.И. Костомаров называл такой метод противодействия русскому Левиафану «борьбой одиночек» [Костомаров, 1993, с. 545]. Но в контексте Московского государства XVI–начала XVIII в. такое противодействие «одиночек» принимало достаточно массовый характер, последствием чего стало появление казачьих сообществ на территории современных России и Украины. Прав был П.Б. Струве, когда рассматривал казаков, как некий «протоинтеллигентский» проект [Струве, 1991, с. 131]. Действительно, казачество было первой попыткой общественной самоорганизации, автономной от российской государственной машины. Во многом его можно рассматривать, как некий структурированный ответ общества на попытки власти установить собственную моносубъектность. Казачий ответ московскому самодержавию носил, как правило, деструктивный характер. На официальном российском уровне он воспринимался не иначе, как «воровство» или разбой. Однако нельзя не признать, что участие казаков в Смуте, восстаниях Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева или старообрядческих выступлениях представляло собой альтернативу российскому государственному проекту, пускай и стихийно оформленную и не до конца идеологически выверенную. «Вольный казак» представлял собой оппозицию служилому и тяглому человеку [Сватиков, 1924].

Однако казачья альтернатива с ее пафосом «С Дона выдачи нет» канула в лету с превращением Московского государства в Российскую империю. Успешное решение проблем обороны и безопасности южных, восточных и западных границ ликвидировало пространство Дикого поля как «безопасной гавани» для всех, кто не соглашался с «гоньбой за человеком». Интеграция казаков в структуры российской армии превратила их из бунтарей в защитников имперского проекта. Успехи на внешнем периметре заставили Российское государство обратиться для собственного развития к инструментарию, выходящему за рамки военной мобилизации. При этом, по словам В.А. Маклакова, «...деспотическая власть, создавшая громадную империю, сама стала препятствовать нормальному развитию общественной жизни в России» [Маклаков, 1996, с. 274].

Процесс раскрепощения сословий, стартовавший с Указа о вольности дворянской и продолжавшийся вплоть до аграрных преобразований начала XX в., стал попыткой Русского Левиафана сделать развитие страны более динамичным. Но этот процесс не завершился и к периоду революционных потрясений 1917 г. Во многом власть в России сама пошла по пути лишения себя монопольного положения. Процесс социально-политической эмансипации, который в период между «веком Екатерины» и Столыпинскими реформами только набирал обороты, привел к появлению слоя, который не был связан с государством ни службой, ни тяглом. На этом фоне

появились свои, не детерминированные властями, интерпретации понятий «долг», «нация», «народ», «патриотизм». Турбулентная обстановка на Балканах в 1870-х гг. показала, что русское общество может в некоторых случаях желать вступления в войну даже больше, чем правящий император. Военное дело стало общественным, что отчетливо продемонстрировали и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., и Русско-японская, а затем и Первая мировая война. Мнение общества могло меняться в спектре от патриотической агитации до активного пораженчества. Но власть в новых условиях уже не могла вести политику (даже в военной сфере!) в одиночку.

В чем же была ключевая проблема эмансипации сословий в контексте конфликта авторитарного государства и фундаменталистски настроенного общества? Она была в том, что Русский Левиафан, лишив себя множества привилегий и прерогатив, не подвергся существенной внутренней трансформации. Росли грамотность, образованность, а с ними укреплялись и запросы на более эффективный чиновничий аппарат, качественное законодательство и квалифицированные суды. Но прогресс на этом направлении шел намного медленнее по сравнению с растущими общественными ожиданиями. Как следствие – отчуждение образованного класса от процесса принятия государственных решений. Отсюда же и дилемма: либо раствориться во властных коридорах, либо сопротивляться. Популярный в начале XX в. писатель Аркадий Аверченко удачно отразил это явление в своей эпиграмме: «Студентом в левых состоял, пока на службу не попал» [Аверченко, 1988, с. 483]. Здесь мы видим проблему сохранения самоидентичности русского образованного человека. Зачастую эта головоломка разрешалась посредством «государственного отщепенчества», то есть сознательного отгораживания себя от целей и задач власти. И чем более фундаменталистскими будут принципы (неважно, в прудоновской, марксистской или миллевской упаковке), тем лучше для общества, для его автономии от русской власти.

При рассмотрении взглядов многих лидеров общественного мнения начала XX столетия трудно отделаться от мысли, что в них присутствует изрядная доля утопизма, догматизма, не говоря уже о стремлении привести всю «цветущую сложность» политических и экономических процессов к единому знаменателю. Однако, это – лишь одна сторона медали. На оборотной же стороне оказывается отсутствие практического опыта законотворчества и аппаратной работы, непонимание ответственности за произнесенное слово. Но ответственность за это состояние несут не только революционные радикалы, но и хранители государственных устоев, которые вовремя не смогли оценить нарастающий запрос на перемены, не увидели возможности для интеграции умеренной части гражданских активистов в процессы выработки и принятия управленческих решений. Как бы то ни было, а в начале XX столетия сложилась опасная ситуация. Власть видели в уступках обществу и его лидерам едва ли не проявление самопожертвования, а интеллигенция полагала, что реформы недостаточны, и слом государственной машины – наилучший способ на пути к прогрессу и развитию.

В конце концов, набравшее силу общество смогло победить государство. На протяжении одного только XX столетия это происходило дважды. Сначала в небытие ушла Российская империя, а затем – Советский Союз. Но для общества самое

трудное начиналось как раз после его триумфа. Его лидеры, как правило, фундаменталистски настроенные, так и не смогли создать нечто, что отличалось бы от столь ненавидимого им Русского Левиафана. Большевики, ведомые Лениным, создали авторитарную власть с иной идеологической начинкой. Но во многом более целостную, последовательную и жесткую, чем ранее была Российская империя. Сказался опыт борьбы с имперским военно-политическим и полицейским аппаратом. Вчерашние подпольщики смогли превратиться в высококлассных разведчиков, специалистов по противодействию терроризму, саботажу, пропаганде и контрпропаганде, организаторов вооруженных сил. Второй путь – это опыт революционеров-февралистов и победителей августовского путча 1991 г. Столкнувшись с непростыми реалиями управленческого процесса, они либо просто встроились во власть (как это ранее делали герои эпиграмм Аверченко), либо покинули ее под ритуальные проклятия и заявления о том, что их гений и талант просто не получили достойной оценки. Не такими уж редкими были и случаи превращения вчерашних демократов, ежесекундно апеллировавших к народному мнению, в яростных элитистов, гордых порассуждать о том, «зачем стадам дары свободы».

Антиобщественность власти и антигосударственность общества – вот те два состояния, которые не дают столь важного сочетания государственной мощи и творческой энергии. Вечное противопоставление свободы и державности толкает Россию к крайностям – укреплению самодержавия (необязательно с монархом на троне) или коллапсу власти, который в свою очередь оборачивается не свободой, а реалиями в спектре от «комиссаров в пыльных шлемах» до «свободной Ичкерии», сепаратистских проектов или модели «Гуляйполя» без всякого уважения к праву и частной собственности. Преодоление этих двух крайних состояний является одной из важнейших задач и для сегодняшней России. Но очевидно и другое. Не единожды признав несостоятельность государственных институтов, их малую креативность и неспособность к эффективным преобразованиям, мы до сих пор практически не анализируем те же «грехи» общества. Между тем, государственный авторитаризм стоит общественного фундаментализма. В начале 1990-х гг. мы пошли по пути преодоления государственного авторитаризма и изживания «русской системы», но в итоге свернули к укреплению «властной вертикали» и единовластия. Сегодня, когда мы обсуждаем перспективы и возможности новой «перестройки» и демократизации, крайне важно уже сейчас начать изживать общественный фундаментализм.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Аверченко А. Т. Администратору // *Русская эпиграмма (XVIII–начало XX века)*. Ленинград: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1988. 784 с.

Градовский А. Д. Начала русского государственного права: Органы управления. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875. Т. 1. 448 с.

Из глубины. Сборник статей о русской революции. Москва: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.

- Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Москва: Прометей, 1991. 334 с.
- Костомаров Н.И. Ермак Тимофеевич // *Господство дома святого Владимира*. Москва: Воениздат, 1993. С. 545–560.
- Маклаков В.А. Образование и крах Российской империи // *Горяйнов С.Г. Задачник по истории России*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. С. 274–290.
- Маркедонов С.М. Казачество: единство или многообразие? (Проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 95–108.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва: РОССПЭН, 1998. 573 с.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 4-х ч. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1898. 528 с.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме. Москва: Независимая газета, 1993. 421 с.
- Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. Москва: Республика, 2000. 429 с.
- Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград. Изд-во Донской исторической комиссии, 1924. 603 с.
- Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. VII. Москва: АН СССР, 1960. 778 с.
- Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // *Русская мысль*. 1908. Кн. 1. С. 143–157.
- Струве П.Б. Интеллигенция и революция // *Вехи. Интеллигенция в России. Сборник статей. 1909–1910*. Москва: Молодая гвардия, 1991. С. 131–149.
- Тренин Д.В. «Переиздание» Российской Федерации // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20. № 2. С. 27–33.
- Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. Москва: Тип. Э. Брафкнехта, 1858. 402 с.

REFERENCES

- Averchenko A.T. Administratoru [To the Administrator], in *Russkaya epigramma (XVIII–nachalo XX veka)* [Russian Epigram (18th–early 20th century)]. Leningrad: Soviet writer (Leningrad branch), 1988. 784 p. (in Russian).
- Gradovskiy A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: Organy upravleniya* [The Foundations of Russian State Law: Governing Bodies]. St. Petersburg: the M.M. Stasyulevich Publ., 1875. 448 p. (in Russian).
- Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii* [From the Depths. Collection of articles about the Russian Revolution]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1990. 298 p. (in Russian).

Klyuchevskiy V.O. *Skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [Tales of foreigners about the Moscow state]. Moscow: Prometheus, 1991. 334 p. (in Russian).

Kostomarov N.I. Ermak Timofeevich [Ermak Timofeevich], in *Gospodstvo doma svyatogo Vladimira* [The Domination of the House of St. Vladimir]. Moscow: Voenizdat, 1993. Pp. 545–560 (in Russian).

Maklakov V.A. *Obrazovanie i krakh Rossiyskoy imperii* [Formation and collapse of the Russian Empire], in *Zadachnik po istorii Rossii* [A problem book on the history of Russia]. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. Pp. 274–290 (in Russian).

Markedonov S.M. *Kazachestvo: edinstvo ili mnogoobrazie? (Problemy terminologii i tipologizatsii kazach'ikh soobshchestv)* [Cossacks: unity or diversity? (Problems of terminology and typologization of Cossack communities)], in *Social sciences and modernity*. 2005. No. 1. Pp. 95–108 (in Russian).

Milov L.V. *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the peculiarities of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN, 1998. 573 p. (in Russian).

Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. Vol. 1. St. Petersburg: I.N. Skorokhodova Publ., 1898. 528 p. (in Russian).

Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1993. 421 p. (in Russian).

Rozanov V.V. *Apokalipsis nashego vremeni* [The Apocalypse of our time]. Moscow: Republic, 2000. 429 p. (in Russian).

Solovyev S.M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Book 4. Vol. VII. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 778 p. (in Russian).

Svatikov S.G. *Rossiya i Don (1549–1917)* [Russia and the Don (1549–1917)]. Belgrade: Publishing House of the Don Historical Commission, 1924. 603 p. (in Russian).

Struve P.B. *Velikaya Rossiya. Iz razmyshleniy o probleme russkogo mogushchestva* [Great Russia. From Reflections on the Problem of Russian power], in *Russkaya mysl'*. 1908. Pp. 143–157 (in Russian).

Struve P.B. *Intelligentsiya i revolyutsiya* [Intelligentsia and revolution], in *Vekhi*. Moscow: Young Guard, 1991. Pp. 131–149 (in Russian).

Trenin D.V. "Pereizdanie" Rossiyskoy Federatsii ["Reissue" of the Russian Federation], in *Rossiya v global'noy politike*. 2022. Vol. 20. No. 2. Pp. 27–33 (in Russian).

Chicherin B.N. *Opyty po istorii russkogo prava* [Experiments on the History of Russian law]. Moscow: E. Braknecht Publ., 1858. 402 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 22.04.2022

АЛГОРИТМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Рябов Андрей Виленович

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова
Российской академии наук (ИМЭМО РАН),
Москва, Россия
andreyr@imemo.ru

Аннотация. Характерные для российской истории разрывы, сопровождающиеся сломом прежнего политического порядка, объясняются двумя причинами. Моноцентричная власть, считающая свою политику единственно правильной, в периоды политических кризисов оказывается неспособной к гибкости и адаптивности. При этом в России отношения власти с противостоящими ей группами строились не в логике «власть – оппозиция», а в логике «власть – анти-власть». Сотрудничество между ними было невозможно. Они вели борьбу на уничтожение. Побеждавшая анти-власть уничтожала и политический порядок, связанный с прежней властью. Общество в России никогда не было драйвером политических изменений и инициатором новых политических проектов. Эту роль в терминах Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова играли «лишние люди» – группы, не нашедшие места в системе взаимоотношений власти и общества. В XVII–XVIII вв. роль «лишних людей» играло казачество, в XIX–начале XX в. – интеллигенция. Однако казачество было инкорпорировано монархией в российскую государственную систему после подавления пугачевщины. Монархия начала инкорпорировать интеллигенцию после революции 1905–1907 гг. При власти большевиков обе эти группы были со временем уничтожены. В современных условиях они не воспроизводимы. Алгоритм российской истории в течение многих веков напоминал смену длительных периодов доминирования авторитарной власти и более коротких смуты и хаоса. Однако в перспективе этот алгоритм перестанет работать, поскольку исчерпываются возможности авторитарной модернизации.

Ключевые слова: власть, «анти-власть», «лишние люди», казачество, интеллигенция, противостояние авторитаризма и хаоса, дефицит развития.

ALGORITHMS OF RUSSIAN HISTORY

Ryabov Andrey V.

The Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia
andreyr@imemo.ru

Abstract. The ruptures characteristic of Russian history, accompanied by the breakdown of the former political order, can be explained by two reasons. Monocentric power, which considers its policy to be the only right one, proves incapable of flexibility and adaptability in times of political crisis. At the same time, in Russia the relations between the authorities and groups opposing it have been built not according to the “authorities-opposition” logic, but according to the “authorities-anti-power” one. Cooperation between the two was not possible. They fought a war of annihilation. When the anti-power regime won, it also destroyed the political order associated with the previous regime. Society in Russia was never a driver of political change or an initiator of new political projects. In Pivovarov and Fursov’s terminology, this role was played by “unnecessary people” – groups that found no place in the system of relations between the authorities and society. In the 17th–18th centuries, the role of the “unnecessary” was played by the Cossacks, in 19th–beginning of 20th centuries – by intelligentsia. However, the Cossacks were incorporated by the monarchy into the Russian state system after the suppression of Pugachev uprising. The monarchy began to incorporate the intelligentsia after the 1905–1907 revolution. Under the Bolsheviks, both groups were destroyed over time. Under modern conditions they are not reproducible. The algorithm of Russian history for many centuries resembled the alternation of long periods of dominance of authoritarian power and shorter periods of turmoil and chaos. However, in the long run this algorithm will cease to work, as the possibilities of authoritarian modernization are exhausted.

Keywords: power, anti-power, the Cossacks, intelligentsia, “unnecessary people”, confrontation between authoritarianism and chaos, development deficit.

В поворотные моменты российской истории могущественное государство, которому, казалось, ничего не может угрожать, стремительно обрушивалось, потому что элиты, контролировавшие в эти моменты власть, оказывались неспособными адекватно отреагировать на неожиданно возникшие угрозы, а другие системные группы, готовые к конвенциональному участию в политическом процессе, были не готовы стать у руля. Но прежде, чем попытаться ответить на вопрос, почему они не могут перехватить власть, нужно рассмотреть, почему те, в чьих руках бразды правления в момент катастрофы, оказываются неспособными ее предотвратить.

В России группы, осуществлявшие политическое господство, традиционно отождествляли свою власть с государством. Как справедливо отметил В.П. Макаренко, «русская система управления эффективна в смысле предельного усиления интересов власти, а не в смысле выражения интересов общества, которому обязано служить государство...» [Макаренко, 2010, с. 149]. Эта ситуация в равной мере относилась и к монархическому, и к советскому, и к постсоветскому периодам российской истории. А поскольку государство позиционировало себя не только как главный субъект исторического процесса, но и как выразитель коллективной воли, устремлений, ценностей народа, средоточие смыслов жизни, то несогласие, критика власти в этой логике воспринимались теми, кто ее контролировал, лишь как попытки подрыва государства. Поэтому на большинство вызовов, исходивших от контрэлит, или от отдельных активных общественных групп, власти реагировали всегда жестко и прямолинейно, не желая искать совместные решения, идти на компромиссы, грубо отстаивая свою позицию и видение проблемы как единственно правильные.

Но в моменты кризисов, когда требовались гибкость, способность к политическому маневрированию, диалогу, убежденность в собственной непогрешимости и вытекающая из нее манера действий играли роковую для государства роль. Власть либо пыталась рассчитывать только на применение силы, либо проявляла растерянность, будучи не в состоянии понять, почему события развиваются вопреки тому, «как должно быть».

Почему же тогда оппозиционные группы, выступающие за эволюционное развитие политического процесса, без слома государственности, оказываются неспособными перехватить власть? Ответ заключается в том, что в России отношения власти и оппозиции никогда не развивались в той же логике, что в Европе и на Западе в целом. Там, оппозиция еще со времен высокого средневековья традиционно воспринималась как часть власти, но обладающая меньшими возможностями и ресурсами, чем сама «настоящая» власть. Но обе эти части существовали в рамках единых целей, единого смыслового пространства. Их отношения были «горизонтальными». С утверждением парламентаризма власть и оппозиция по результатам выборов стали фактически обмениваться «пакетами акций» в управлении страной.

В России, еще со времен ордынского нашествия, закрепилось иное восприятие власти и оппозиции. В этом смысле очень важным представляется анализ

Н.А. Бердяевым, рассматривавшем роль церковного раскола в российской истории, старинной легенды о граде Китеже, который, не покорившись захватчикам, ушел на дно озера Светлый Яр. Смысл этой легенды, отмечает Н.А. Бердяев, сводится к тому, что истинное, «божественное православное царство» ушло под воду, а на земле установилось «царство зла», «царство антихриста» [Бердяев, 1990, с. 10–11]. Все, что осталось на земле оказалось, таким образом, под анти-властью, а настоящая власть – под водой. Но наступит время, и все встанет на свои места. Настоящая власть вернется на землю, а нынешняя, что от дьявола, уйдет под землю. В таком понимании и заключен алгоритм российской истории как постоянная борьба настоящей, истинной власти с анти-властью. Они не могут сотрудничать, потому что представляют несовместимые силы. Они могут только вести войну на уничтожение и время от времени меняться местами. Как справедливо отметил А.А. Кара-Мурза, в России «политический монополизм сакрализованной Власти был настолько безусловным, что любые политические новации возникали здесь не как некая политическая субкультура внутри политической элиты, а поначалу зарождались как своего рода “антисистема”, “анти-власть” (поскольку действующая Власть предполагала полнейшую внутреннюю однородность) и лишь затем сами становились Властью, опять-таки не приемлющей никакой системной альтернативы» [Кара-Мурза, 1998, с. 11]. Отсюда вытекает огромная роль самозванчества в российской истории. Самозванцы всегда выходили на историческую авансцену с посланием о том, что именно они и есть истинная власть, а там – в Кремле, Зимнем дворце – ложная, «от дьявола». Крах государства в этой картине российской истории наступает тогда, когда анти-власть становится властью. Она не может удержаться с помощью прежних инструментов правления, ибо в глазах подавляющего большинства общества прежняя власть дискредитирована настолько, что возникает эффект «инфернализации» всех ее атрибутов и символов. Поэтому новой властной элите не нужно прежнее государство – монархическое или советское, – она начинает его разрушать «до основания», чтобы затем построить свой новый, идеальный мир, соответствующий ее «божественному» предназначению.

Опираясь на понятия современной политической социологии, любой исследователь неизбежно столкнется с вопросом о влиянии общества на государство и его институты. Однако специфика нашей страны заключается в том, что общество никогда не играло существенной роли в российской истории в том смысле, что оно не являлось источником альтернативных по отношению к политике властей социальных проектов и идей. Даже в эпохи революций оно не создавало нового, более совершенного общественного строя. Его социальная энергия, когда она выходила в публичное пространство, всегда носила разрушительный характер (разинщина, пугачевщина, гражданская война в России 1918–1922 гг.). Источником изменений в переломные моменты истории всегда выступало критически настроенное по отношению к власти меньшинство. В этом смысле можно согласиться с интерпретацией алгоритма российской истории, предложенной Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым, назвавшими это меньшинство в рамках разработанной ими концепции «Русской Системы» «лишними людьми», не нашедшими себе места в специфической

конструкции отношений власти и общества [Пивоваров, Фурсов, 2001, с. 37]. Это меньшинство опрокинуло монархию и капитализм в 1917 г. Другое меньшинство, но состоящее уже из представителей иных социальных групп, свергло социалистический строй в 1991 г., в то время, как большинство, подобно зрителям на спортивном стадионе, равнодушно наблюдало за исходом схватки между прежней, терявшей власть элитой, и напористой коалицией сил, выступавшей за смену системы.

В России меньшинство, свергавшее или старавшееся свергнуть старый общественный строй, всегда было радикальным. Преследуемое и гонимое прежней системой, оно хотело только его радикального уничтожения. Такое меньшинство, вне зависимости от проповедуемых им идей, успешно отталкивало на обочину политического процесса умеренных реформаторов, выступавших за постепенные и плавные перемены. Так было с умеренными социалистами — эсерами и меньшевиками — в 1917–1918 гг., так произошло с М.С. Горбачевым и его сторонниками в 1991 г. В 1881 г. радикальное меньшинство, убив царя-реформатора Александра II, своими действиями привело к приостановке этих реформ и консервативному «реверсу» в политике страны.

Кстати, реформы царя-Освободителя демонстрируют еще один тип активного меньшинства в российской истории. Это не «лишние люди» вне системы. Напротив, это люди во власти, люди правящей элиты. Но в отличие от господствующего класса они видят дальше в смысле направленности исторического процесса, глубже понимают его логику, и потому идут против господствующих у правящего класса настроений. В какой-то степени они перехватывают у оппозиционно настроенных «лишних людей» их идеи и лозунги. Так было с группой чиновников-реформаторов вокруг Александра II, перехвативших некоторые идеи у либеральной общественности и отчасти у славянофилов. Так было с группой аппаратчиков ЦК КПСС, сплотившихся вокруг Горбачева и перехвативших часть идей у «диссидентов». Такое меньшинство и является основой распространенного в российской истории феномена «революции сверху».

Иногда меньшинство внутри власти вдохновляется идеями, не заимствованными у внутренней оппозиции, а «привезенными» извне (Петр Великий и его соратники, окружение Александра I в первую половину его царствования).

Среди социальных групп, выполнявших в «Русской системе» функции «лишнего человека», ключевую роль играли две — казачество и интеллигенция. Первая из них более раннего происхождения. В течение нескольких веков она пыталась реализовать собственную, демократическую модель социально-политического устройства и была носителем альтернативной политической культуры. И хотя казачество на протяжении долгого времени демонстрировало способность сосуществовать с монархией (благо этому содействовало географическое разделение их деятельности в рамках одного государства — царизм находился в его центре, а казачество на окраинах), зачастую оно становилось во главе сил, до основания сотрясавших российскую государственность (разинщина, пугачевщина). Интеллигенция же — это

продукт XIX в. Вплоть до начала XX в. она вела отчаянную борьбу с монархическим режимом, пытаясь противопоставить ему идеал общества, построенного на основе социальной справедливости и рационализма.

Широко распространено мнение о российской монархии как о чрезвычайно жесткой системе, не способной к социальной гибкости и инклюзивности. История же казачества и интеллигенции показывает как раз обратное. Царизм успешно инкорпорировал казачество в свою государственную систему после подавления пугачевского восстания (хотя этот процесс начался, конечно же, ранее) и превратил его в один из социальных столпов монархии. Более того, после падения царизма, казачество так и не смогло адаптироваться к новым условиям жизни, не найдя себя даже в разных проектах белого движения. А с приходом большевиков оно и вовсе сошло с исторической сцены, растворилось в новой социальной структуре общества.

После революции 1905–1907 гг. царизм с развитием российского парламентаризма начал постепенно интегрировать в государственную систему и интеллигенцию. Этот процесс прекрасно описан в четвертой части великого романа А.М. Горького «Жизнь Клима Самгина» [Горький, 1979]. Она постепенно становилась группой, способной творить новую социальную реальность и влиять на политику страны, а не просто оставаться сотрясателем устоев. Но этот процесс был прерван большевистской революцией. Меньшая, наиболее радикальная часть ее, составила костяк нового политического режима. Однако впоследствии, в 1930-е гг. она была практически полностью уничтожена И.В. Сталиным. Другая часть, не уехавшая в эмиграцию, на протяжении 1920-х гг. пыталась ужиться с большевистской властью. Существование в те годы было возможным, но не из какого-то особого милосердия и гуманности тогдашнего руководства страны, в котором было много выходцев из интеллигенции, а просто потому, что большевики еще не чувствовали себя уверенно и им было явно не до интеллигенции. Среди приоритетных задач большевиков разбирательство с интеллигенцией тогда не числилось. Их главная задача состояла в том, чтобы удержать, сохранить социальную коалицию с крестьянством. Однако в 1930-е гг. после того, как процесс строительства социализма перешел в новую фазу, началось уничтожение интеллигенции, как не вписывавшейся в сталинский политический проект. Но при этом русская интеллигенция, в отличие от казачества, не оставившего социального «потомства», умирая, дала жизнь силам, сыгравшим определенную, главным образом идеологическую, роль в подрыве и ликвидации советского строя.

Впрочем, как и казачество, интеллигенция в современных условиях социально не воспроизводима. В XIX в. она возникла как образованная социальная группа, не связанная с обладанием властью и собственностью. Даже если ее отдельные представители и происходили из привилегированных и состоятельных слоев населения. Но этими критериями понятие интеллигенции не исчерпывалось. Это была образованная группа, желавшая взять на себя ответственность за судьбы страны, ее народа. Она жила не для себя, не для собственного комфорта и славы,

а для реализации как ей казалось, каких-то идеалов, проектов лучшего будущего для страны и ее народа. В современном российском обществе интеллигенции нет и быть не может, а есть различные группы интеллектуалов, для которых главной целью является их профессиональная самореализация. Причем лучше, чтобы она сопровождалась хорошим вознаграждением. Невозможность воспроизводства интеллигенции со всей наглядностью была продемонстрирована в 90-е гг. прошлого века. Как только социальные группы, идентифицировавшие себя как «советская интеллигенция», добрались до власти, больших денег и собственности, они легко отказались от проектов «прекрасного демократического будущего», от какой-либо ответственности перед собственным народом и сосредоточились на личном обогащении и преуспевании.

На протяжении многих веков противостояние авторитаризма и хаоса являлось осью российской истории. Такое противостояние было следствием того, что свобода традиционно воспринималась в России не как понятие, неразрывно связанное с правом, не только с правами индивида, ею обладающего, но и правами других таких же индивидов, а лишь как возможность делать все, что хочешь. Иными словами, воспринималась как вольность, как освобождение от каких-либо обязательств перед обществом и государством. Но в таком понимании при ослаблении авторитарного государства стремление к вольности, охватывавшей широкие массы людей, неизбежно вело к хаосу, от которого общество быстро уставало, и снова формировало запрос на восстановление сильного государства. Последний раз такое случилось в конце 90-х гг. прошлого столетия, когда после августовского дефолта 1998 г. общество устало от непредсказуемости либерального капитализма и вновь развернулось в сторону сильного государственного регулирования

Иные сценарии российской истории, открывавшиеся перед страной, например, как следствие Великих реформ 60–70-х гг. XIX в. или «революции серебряного века» 1905–1907 гг., воспринимались как ошибки истории, как путь не туда. Неслучайно, например, то, что знаменательная дата — сто пятидесятилетие отмены крепостного права в России в 2011 г. — прошла практически незамеченной. Ныне же этот алгоритм российской истории близок к исчерпанию. Причина этого в дефиците развития, который все более отчетливо начинает испытывать страна. Авторитаризм, по-видимому, еще какое-то время может успешно противостоять хаосу, но уже не способен становиться драйвером развития. В современную эпоху эту роль могут выполнять только свободные ассоциации граждан в сфере бизнеса, технологий, образования и науки. В условиях, когда другие державы стремительно развиваются и идут вперед, следование традиционной модели развития обрекает Россию на усиливающееся отставание от ведущих стран, которое в будущем может создать угрозу самому ее существованию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Наука, 1990. 224 с.
- Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 4. // Горький М. Собр. соч. в 16 т. Т. 14. Москва: Изд-во «Правда», 1979. 560 с.
- Кара-Мурза А.А. Российская политическая культура и проблемы становления партийного плюрализма // *Формирование партийно-политической системы в России*. Под ред. М. Макфола, С. Маркова, А. Рябова. Науч. докл. Вып. 22. Москва: Московский Центр Карнеги, 1998. С. 7–19.
- Макаренко В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти // *Политическая концептология*. 2010. № 2. С. 130–174.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // *Полис*. 2001. № 4. С. 37–48.

REFERENCES

- Berdyayev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and Meanings of Russian Communism]. Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (in Russian).
- Gorky M. *Zhizn' Klimy Samgina. Chast' 4* [Life of Klim Samgin. Part 4], in Gorky M. *Sobranie sochineniy v 16 tomakh* [Collected works in 16 vol.]. Vol. 14. Moscow: Pravda Publishing House, 1979. 560 p. (in Russian).
- Kara-Murza A.A. Rossiyskaya politicheskaya kul'tura i problemy stanovleniya partiynogo plyuralizma [Russian Political Culture and Problems of the Formation of Party Pluralism], in *Formirovanie partiyno-politicheskoy sistemy v Rossii* [Formation of the party-political system in Russia]. Ed. by M. Makfol, S. Markov, A. Ryabov. Moscow: Carnegie Moscow Center, 1998. Pp. 7–19 (in Russian).
- Makarenko V.P. "Svoy chuzhoj": kontsept russkoy vlasti ["His own Strange": Concept of Russian Authorities], in *Politicheskaya kontseptologiya*. 2010. No. 2. Pp. 130–174 (in Russian).
- Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. "Russkaya sistema" kak popytka ponimaniya russkoy istorii ["Russian System" as an Attempt to Understand Russian History], in *Polis*. 2001. No. 4. Pp. 37–48 (in Russian).

Статья принята к публикации 22.04.2022

ОБЩЕСТВА ПОЧТИ НЕ ВИДНО

Курилла Иван Иванович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

Санкт-Петербург, Россия

ikurilla@eu.spb.ru

Аннотация. Взаимоотношение власти и общества в России продуктивно рассматривать в сравнительном аспекте. В представленном тексте российский опыт рассматривается в сравнении с американским, а также оценивается по европейской шкале могущества государства и общественных институтов. Автор утверждает, что общества в принятом в США и европейских странах понимании в России на разных ее этапах не сложилось, существовали лишь зачатки структур, независимых в той или иной степени от моноцентричной власти. Такая модель приводила к тому, что в моменты острых социально-экономических кризисов, войн, конфликтов и утраты легитимности государства оно не могло в должной мере опереться на широкое народное мнение, а в моменты распада или коллапса управленческой системы на разных этапах главными бенефициарами нестабильности становились различные радикалы или маргинальные группы. Впоследствии они на новом витке развития воспроизводили моноцентричную модель власти, не готовую вести полноценный диалог с негосударственными структурами.

Ключевые слова: государство, общество, Россия, США, институты, кризисы власти, революции.

Цитирование: Курилла И.И. Общества почти не видно // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 226–231. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-226-231 / Kurilla I.I. Almost Invisible Society, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 2. Pp. 226–231. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-226-231.

© Курилла И.И., 2022

ALMOST INVISIBLE SOCIETY

Kurilla Ivan. I.

European University at St. Petersburg,

St. Petersburg, Russia

ikurilla@eu.spb.ru

Abstract. It is fruitful to study the relationship between government and society in Russia in a comparative aspect. In the presented text, the Russian experience is analyzed in comparison with the American one, and is evaluated according to the European scale of the power of the state and public institutions. The author argues that in Russia the society in the American and European sense never developed, there were only the beginnings of structures that were independent to one degree or another from monocentric power. Such a model led to the fact that in moments of acute socio-economic crises, wars, conflicts and the loss of the legitimacy of the state, it could not adequately rely on the broad popular opinion, and in the moments of the collapse of the administrative system at different stages, the main beneficiaries of instability became various radicals or marginal groups. Subsequently, at a new stage of development, they reproduced a monocentric model of power, not ready to conduct a full-fledged dialogue with non-state structures.

Keywords: state, society, Russia, USA, institutions, power crises, revolutions.

Будучи специалистом по всеобщей истории, хотел бы сфокусироваться на сопоставлении российского опыта с американским. Такой сравнительный анализ показывает, что в России сформировалось сильное государство, плохо ограниченное независимыми от него структурами общества, — и церковь, и семья, и разного рода гражданские союзы были практически полностью подчинены или интегрированы в аппарат государственного управления. Попытки создания горизонтальных институтов путем реформ «сверху» при Александре II, а потом после Манифеста 17 октября 1905 г. не смогли коренным образом изменить эту ситуацию и сделать общественные структуры вроде земств, городского самоуправления и судов присяжных самостоятельными. Кстати, в этом контексте можно по-другому посмотреть и на разрушение крестьянской общины в ходе столыпинских реформ: принято считать это однозначно прогрессивным шагом, ускорявшим экономическое и социальное развитие России, способствовавшим формированию класса собственников, «среднего класса». Но ведь, в то же самое время, можно увидеть в нем и уничтожение важных «горизонтальных» структур, существовавших независимо от государства [Тюкавкин, 2001].

В отличие от этой динамики, в Соединенных Штатах общественные структуры предшествовали государству и ограничивали его с момента создания. В результате там сформировалось относительно слабое, ограниченное «снизу» государство и очень сильные, способные навязывать свою волю как государству, так и отдельному гражданину, общественные «горизонтальные» структуры [Migdal, 2001].

В силу особенностей российской государственной и общественной модели кризисы власти, в разное время возникавшие в нашей стране, приводили не к тому, что образовавшиеся в нем «дыры» латались с помощью общественных структур, а к прорыву к власти наиболее активных маргинальных групп и индивидов, — в силу отсутствия солидарности и нарабатанных горизонтальных связей у более конструктивной части общества. Так, начало революции 1917 г. было как раз попыткой общества (в лице лидеров Государственной Думы) подхватить накренившееся государство, но Временному правительству не на кого было опереться. К 1991 г. горизонтальные связи, независимые от государства, сформировались у противников сохранения Союза — республиканских элит, — тогда как при кризисе государства стало очевидным отсутствие независимых от советской вертикали горизонтальных структур, которые могли бы сохранить государственное единство.

Резюмируя, могу сказать, что государство на протяжении большей части российской истории являлось главным действующим лицом российской истории, в значительной мере потому, что не допускало возникновения независимых от себя структур внутри страны. Эта политика предопределяла как его силу (особенно в период внешних вызовов), так и критическую слабость. Впрочем, проблемы на внешнем периметре (та же Первая мировая война) приводили к нарастанию внутренних проблем, вплоть до революционных потрясений. Военные неудачи часто обостряли восприятие «домашних язв». И здесь опытом 1914–1917 гг. ограничиваться нельзя, можно вспомнить про Крымскую войну, спровоцировавшую «Великие реформы» 1860–1870-х гг. или русско-японскую войну, которая закончилась Первой русской революцией.

Обострю немного некоторые свои предыдущие тезисы. Считаю, что русское общество, скорее, блистательно отсутствовало, а не было конкурентом государства. Не могу увидеть в этом отсутствии субъекта, как бы мне этого ни хотелось. Наверное, можно говорить о «протообществе», то есть о зачатках независимых структур на разных этапах общественной истории, но их сила никогда не достигала такой степени, чтобы общество можно было бы сравнить с государством, тем более увидеть в нем конкурента или соперника. В этом смысле Россия представляет собой крайний вариант на европейской шкале сравнительного могущества государства и общества, противоположной крайностью представляются Соединенные Штаты Америки. Российское общество скорее представляет собой аналог конструируемому в современных США сообществу угнетенных (расовых и других меньшинств), которое присутствовало на всех поворотах российской истории, оказывало временами давление на государство, — но не определяло ход развития страны. Вместе с тем, российских случай мне представляется все же вариантом европейского, именно поэтому мы можем рассматривать его на этой европейской «шкале». В неевропейских странах само использование терминов «государство» и «общество» в этих значениях представляется спорным, как и варианты их противопоставления или сотрудничества. На упомянутой шкале им трудно найти место (впрочем, допускаю, что тут я просто демонстрирую свое плохое знакомство с неевропейскими обществами).

Общество, которое могло бы быть субъектом истории, должно состоять из институтов и структур, независимых от государства, но таких в России на всем протяжении ее истории было чрезвычайно мало. Сказанное выше не означает, что историкам общества нечего изучать: на протяжении веков в стране возникали и росли разнообразные институты, в тот или иной момент разгромленные или подчиненные государством. Уроки этого роста и каждого из таких разгромов представляются очень важными и интересными. Также интересной задачей представляется понять мотивы государственной бюрократии в поддержании собственной монополии, — независимые институты никогда не являлись угрозой для государства в целом, но последовательно уничтожались бюрократией на протяжении веков [Дерлугьян, 2009, с. 140–156].

Мне представляется, что казачество и интеллигенция ближе всего подошли к положению независимых от государства организованных групп. Тем не менее, они не заместили собой отсутствующее общество, о чем я уже сказал выше. И казаки, и интеллигенты могли стать важными частями этого общества, если бы в стране независимо развивались и другие институты, от церкви до профессиональных союзов и политических партий. Не могу согласиться с их характеристикой как «противогосударственных», хотя понимаю, что в традиции российской властной системы понимать все независимые от него структуры как угрозу или, как минимум, риск. Снова из американского опыта: большое количество независимых от федеральных властей или штатов структур сдерживают государственные элиты, но являются и своего рода «страховкой» на случай серьезного кризиса.

Стоит обратить внимание на то, что в момент разрушения Российской империи именно «интеллигентское» по замыслу (и в заметной мере — по составу)

Учредительное собрание (с одной стороны) и казачья самоорганизация на Юге страны (Дон, Кубань, Терек) и на Урале стали точками кристаллизации антибольшевистских сил.

Слову «интеллигенция» русская традиция придает множество значений, выходящих за рамки «образованного класса» или «слоя интеллектуалов». Обычно главным дополнением является активная гражданская позиция интеллигентов. Мне представляется, что причина этого — как раз в том, что образованный класс раньше других ощутил отсутствие в России горизонтальных структур и институтов и пытался своей активностью заполнить эту лакуну. Это, возможно, не «миссия», а проклятие отечественных интеллектуалов, но оно происходит из объективных обстоятельств их существования. Вопросы, противопоставляющего «социальную реальность» «интеллектуальному конструированию», я, как конструктивист, принять не могу. Социальная реальность для меня и есть результат социального конструирования, включая понятие интеллигенции и всю терминологию вопросов и ответов на этих страницах [Бергер, Лукман, 1995].

Авторитарная власть создает условия для своего коллапса, когда ликвидирует независимые от нее институты. На самом деле, ни один из масштабных для российской государственности кризисов не исходил от независимых институтов. Они выростали из неспособности властной системы справиться с тем или иным вызовом, который она должна была решать просто «по умолчанию». Это недород или голод, проблема престолонаследия, поражения в войнах, последствиями неудачного переворота. При отсутствии общественной ткани, уничтоженной самим государством (или не развившейся благодаря политике этого государства) возникали проблемы, в которых власть не могла опереться в должной мере на поддержку народа и интеллектуального класса.

Вообще же проблема отсутствия (или критической слабости) общества выходит на первый план как раз в моменты коллапса государственной власти: дорогу хаосу открывает в эти моменты отсутствие организованного общества. Поэтому «хаос» и «авторитарная власть» для меня — две стороны одной медали. Им может противостоять только организованное и — снова — независимое от государства, не падающее вместе с ним (как КПСС в 1991 г.) общество.

Важно рассмотреть и более подробно слово «свобода», понимание которого в американской политической традиции отличается от русского. Там Liberty означает свободу от государственного принуждения, но эта свобода обеспечивается ограничениями, наложенными на государство обществом (в виде юридических «сдержек и противовесов», разных и не встроженных в единую «вертикаль» уровней управления и в виде структур общественной самоорганизации). В российской традиции отсутствие государственного принуждения многими понимается как отсутствие ограничений вообще, «беззаконие». Это тоже следствие монопольного положения государства. Можно обратиться и к классическому эссе Исайи Берлина о двух концепциях свободы, негативной (свободы от внешнего принуждения) и

позитивной (наличие ресурсов для реализации своего потенциала) [Berlin, 1969, p. 118–172]. В этой системе координат борьба российского общества происходит вокруг негативной свободы – за освобождение от государственного принуждения. Когда же в относительно спокойные периоды развития страны происходит «накопление» позитивной свободы, она рано или поздно становится предметом государственного принуждения. Несколько раз в истории России возникала метафора «непоротого поколения»: это были как раз периоды, когда накопление позитивной свободы сменяло борьбу за негативную. Но после этих периодов происходил очередной срыв.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум, 1995. 323 с.

Дерлугьян Г.М. Суверенная бюрократия. Тезисы к изучению властвующих элит // *Политическая концептология*. 2009. № 4. С. 140–156.

Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Москва: Памятники исторической мысли, 2001. 302 с.

Berlin I. Two Concepts of Liberty // Berlin I. *Four Essays on Liberty*. Oxford: Oxford University Press, 1969. Pp. 118–172.

Migdal J.S. *State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another*. Cambridge, 2001. 308 p.

REFERENCES

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (in Russian)

Derluguian P. Suverennaya byurokratiya. Tezisy k izucheniyu vlastvuyushchikh elit [Sovereign bureaucracy. Theses to the study of ruling elites], in *Politicheskaya kontseptologiya*. 2009. No. 4. Pp. 140–156 (in Russian).

Tyukavkin V.G. *Velikorusskoe krest'yanstvo i stolypinskaya agrarnaya reforma* [The Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform]. Moscow: Monuments of historical thought, 2001. 302 p. (in Russian).

Berlin I. Two Concepts of Liberty, in Berlin I. *Four Essays on Liberty*. Oxford, England: Oxford University Press, 1969. Pp. 118–172.

Migdal J.S. *State in Society: Studying How States and Societies Transform and Constitute One Another*. Cambridge, 2001. 308 p.

Статья принята к публикации 22.04.2022

DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-232-242

УДК 94(47).08

ВЛАСТЬ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ: РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Бордюгов Геннадий Аркадьевич

Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI),

Москва, Россия

borddav@hotmail.com

Аннотация. Автор предлагает выйти за рамки жесткой бинарной оппозиции «власть–общество». С его точки зрения взаимоотношения между двумя этими субъектами русской истории были нелинейными и не сводились к перманентному конфликту. Не отрицая самого факта длительного – на протяжении веков – открытого или латентного противостояния государства и общества, следует признать, что в реальности модель их взаимодействия была намного сложнее. В статье показано, что власть и общество в определенные периоды эффективно сотрудничали, а государственный аппарат даже в сталинские времена пытался использовать общественную энергию и был готов закрывать глаза на фрондерство отдельных интеллектуалов. Автор также подчеркивает, что власти, заинтересованные в общественно-политической стабильности, порой сами способствовали разрушению порядка, а некоторые политики на разных этапах своей деятельности были и государственниками-созидателями, и революционерами.

Ключевые слова: государство, общество, интеллигенция, реформы, революция, контрреформы, элита.

Цитирование: Бордюгов Г.А. Власть и ее оппоненты: российский исторический опыт // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 232–242. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-232-242 / Borydyugov G.A. The Government and Its Opponents: Russian Historical Experience, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 2. Pp. 232–242. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-232-242.

© Бордюгов Г.А., 2022

POWER AND ITS OPPONENTS: RUSSIAN HISTORICAL EXPERIENCE

Bordyugov Gennadiy A.

Association of Researchers of the Russian Society (AIRO-XXI),

Moscow, Russia

borddav@hotmail.com

Abstract. The author tries to go beyond the rigid binary opposition “state-society”. From his point of view, the relationship between these two subjects of Russian history was non-linear and did not amount to a permanent conflict. Without denying the open or latent confrontation between the state and society for centuries, the model of their interaction is much more complex and controversial. The article shows that the state power and society effectively cooperated in certain periods, and the state apparatus even in Stalin’s times tried to use public energy and was ready to allow the independence of individual intellectuals. The author also says that the authorities, interested in socio-political stability, sometimes pushed themselves to destroy order, and some politicians at different stages of their activities acted as both creators of chaos and creators.

Keywords: state, society, intelligentsia, reforms, revolution, counter-reforms, elite.

Выведение общих закономерностей – устаревший подход, равно как и применение его к сценариям 1917 и 1991 гг. Мы можем лишь приближаться к пониманию причин неспособности власти отвечать на вызовы времени в каждый конкретный момент. Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов связывают провалы и упадки с «моносубъектом», так называемым демиургом исторического процесса [Пивоваров, Фурсов, 1995].

Но есть и теория цикличности российской истории с реформами и контрреформами, связанными и определяемыми усилением или ослаблением приверженности режима в данный конкретный момент к модернизации на западный манер, то есть не только к обновлению и развитию научно-техническому, промышленному, но и к общественно-политической либерализации. Здесь же можно назвать и различные теории «русской системы», самодовлеющей власти. К примеру, Валерий Соловей предлагает другую фокусировку – определение точек бифуркации истории, периодов ее радикальных и всеобъемлющих изменений, то есть продолжительные смуты [Соловей, 2005, с. 191–208]. Они вбирают в себя революции, гражданские войны, бунты и волнения. Они, по его мнению, исторически функциональны. В этом контексте 1917 и 1991 гг. – примеры развития через кризис, конфликт, развал, резкий поворот, после чего государство обретает заново свою моносубъектность и сакральность.

В свое время мы с Дмитрием Андреевым предложили рассматривать исторический процесс, анализируя не функционирование власти, а ее пространство, то есть всю инфраструктуру, обеспечивающую тот или иной режим [Андреев, Бордюгов, 2004, с. 7–14]. При таком подходе особое, преимущественное внимание обращается не на механизмы, а на взаимосвязь работы своего рода двигателя с предназначением, целеполаганием всей машины, которую он приводит в действие. В эту инфраструктуру мы включили носителя верховной власти, элиту, домен (личную опору правителя в его противостоянии с элитой) и посмотрели, насколько они были адекватны историческим реалиям, а еще конкретнее – модернизационной или мобилизационной моделям движения в истории. Учитывалось, что в России режим модернизации всегда рассредоточивает власть, дает возможность элите обволакивать правителя, а мобилизация, напротив, максимально концентрирует ресурсы первого лица, подчиняет ему элиту. Существовая в этих обоих режимах, власть по-разному отвечает и на внутренние вызовы. Посмотрим, как эта модель работает применительно к 1917 и 1991 гг.

Осенью 1915 г. определенная часть элиты, ориентировавшаяся на считавшегося как бы теньвым премьером министра земледелия Александра Кривошеина и на либеральную (в большей или меньшей степени) часть Государственной думы и Государственного совета, предприняла неудачную попытку навязать императору свой сценарий. Тем не менее, престол пытался поддерживать консенсус и с правительственной бюрократией, и с «общественностью» обеих палат. Но в условиях усиливавшегося кризиса власти такой консенсус лишь способствовал нагнетанию деструктивных тенденций. «Министерская чехарда», то есть подгонка кадровой

политики под Думу, не только не заглушила конфликты, но и дискредитировала царя как дееспособного субъекта в пространстве власти. Оказавшись в политической изоляции, самодержавие пало, увлекая за собой в небытие и всю тысячелетнюю монархическую традицию нашей государственности. То есть в данном случае модернизационный сценарий привел к ликвидации самой политической системы. Но в результате проектировщики и исполнители этого сценария столкнулись с грозной и неведомой нецензурной стихией, заинтересованной не в гражданском обществе, а в элементарном материальном благополучии и весьма специфически понимаемой «воле». Временное правительство оказалось не в состоянии удовлетворить эти требования. Народ ждал силу, которая смогла бы мобилизовать пространство власти на достижение его вождельных целей. После трех столетий романовской модернизации Россия возвращалась на привычный для нее мобилизационный путь развития, а власть — в традиционное концентрированное состояние.

К 1991 г. элите (номенклатуре) удалось добиться монопольного господства в пространстве власти. Однако она оставалась существенно ограниченной в возможностях личного обогащения. Поэтому, подобно боярству, раскрутившему Смуту в начале XVII в. ради сугубо корпоративных интересов, номенклатура на исходе XX в. принялась разрушать Советское государство. А при том положении в пространстве власти, каким она обладала, ее консолидированная деструктивная сила, разукрашенная адресованной народу демократической риторикой, была обречена на успех. Новая российская государственность предоставила элите возможность легитимным путем конвертировать свою власть в собственность. Эту «номенклатурную приватизацию» обеспечивал и гарантировал сам носитель власти. У Бориса Ельцина были все шансы стать марионеткой в руках его вчерашних номенклатурных подчиненных, преуспевших на ниве приватизации. Однако ему удалось не только отстоять собственный суверенитет, но и обеспечить максимально возможную в этих непростых условиях концентрацию власти. А для элиты, прежде являвшейся официальным субъектом властвования, ситуация стала обратной. Превратившись в легитимного собственника, она сохранила за собой лишь «теневые» возможности воздействия на политику. Именно поэтому она взяла курс на возведение гражданского общества, а точнее — на контроль за властью со стороны элиты, в том числе, пусть во многом и формально, через систему демократических институтов.

Понятно, что общество у нас существовало всегда. Конечно, не гражданское общество — по причине элементарного отсутствия подобной свойственной западной культуре модели социальной связности. Но, тем не менее, оно было. Оно отлично и от власти, и от народа, хотя в известной степени создается ими и связано с ними. В XIX в. идейное воздействие на власть шло через сословия, через салоны, то есть аристократические круги. Подразумевалось, что они составляют «образованное общество», «культурное общество», часто связанное родственными и семейными отношениями. Но с обществом нередко ассоциировали себя представители военных или бюрократии, которые выступали с критикой власти. То есть общество не было однородным, в том числе по происхождению, материальному положению,

образованию, возрасту его членов и даже их количеству. Неоднородность общества усиливалась по мере появления дворянских и земских собраний, литературных групп и союзов с печатными органами, различных идейных течений, прежде всего консерваторов и либералов. Эти процессы ускорились с появлением в начале XX в. политических партий и общественных организаций.

Не будет преувеличением или натяжкой сказать, что такого рода общество как раз и возникло именно вследствие тотального, всеохватного давления власти на все те слои и этажи российского социума, которые властью не являлись. Причем в этом смысле не должно быть никаких иллюзий и в отношении аристократии: если ее представители не были встроены в государственную машину и не занимали значимых должностей, то их политическая субъектность была, конечно, гораздо большей, чем у мелких чиновников и, тем более крестьян, но преувеличивать ее не стоит. Применительно к XIX в. дворянская и даже аристократическая империя — это историографический миф, придуманный даже не в советскую эпоху, а еще на излете старого режима. Империя служебная, бюрократическая — да, несомненно, причем на ключевых постах в ее административной машине со временем появлялось все больше людей неродовитых. Но и внутри такой служебной империи ситуация была неоднозначной. Тут шла реальная борьба за власть. Но борьба не в обыденном понимании, а неявная — за близость к суверену, за возможность оказывать на него те самые косвенные влияния, про которые говорит Карл Шмитт в своем мастерски написанном «Разговоре о власти и о доступе к властителю» [Шмитт, 2007, с. 27–38].

Со временем такая борьба за внимание суверена превращается в конкуренцию с сувереном — естественно, на поле консультирования и советничества, а через это — за воздействие на его решения. А потом — и в борьбу с сувереном: с помощью формирования определенного мнения — сначала в правящих кругах, а затем и в обществе в целом. Иными словами, воспроизводство общества, оппозиционно настроенного в отношении власти, — это процесс, уходящий своими корнями в далекое историческое прошлое.

Но если оторваться от теоретизирования, то для меня критерием определения основных черт общества являются степень его влияния на власть, общественную мысль и общественное мнение, а также причины утраты подобного влияния. К примеру, деятельность земств была жестко ограничена властью, попытки земств соседних губерний объединиться — скажем, в борьбе с эпидемиями — пресекались. То есть говорить о соучастии общества в управлении не приходится. Но в условиях кризиса влияние малочисленного общества, находящегося на пересечении различных способов коммуникации людей, резко возрастает.

В СССР после революции старое общество было разрушено и создавалось новое, весьма своеобразное. После нэповской либерализации сталинский режим с конца 1920-х гг. стремился атомизировать общество. С виду все выглядело прямо противоположным образом: народу непрестанно говорили о коллективизме, убеждали в примате общественных интересов над интересами индивидуальными,

в общественном мнении насаждался культ трудовых и иных коллективов – как естественных и наиболее органичных форм бытия. Но на деле такая политика вела именно к атомизации общества, его распылению, так как искусственно и сверху навязываемые формы объединений жестко разрушали иные связи, образовывавшиеся снизу и самостоятельно. В результате личность замыкалась в себе и своей семье, хотя при этом и была вынужденной жить интенсивной социальной жизнью. При Сталине чувство этого специфического одиночества не было массовым, но уже при Хрущёве оно прорвалось в публичный дискурс. Стремление к подлинной, ненадуманной социальности стимулировало оттепель, а оттепель, в свою очередь, создавала благоприятную среду для усиления подобного запроса. С наступлением застоя этот запрос стал только еще более обостренным и присущим еще большему количеству людей.

Ну а если вернуться к Сталину, то атомизация 1930-х гг. вылилась в подчинение всех общественных структур партии, деятелей культуры объединили в послушные власти творческие союзы. Основные черты послевоенного общества определяли Победа, авторитет фронтовиков, увидевших западный мир, взлет религиозности, особые настрoй и представления о мирной жизни. Кинорежиссер Александр Довженко в конце войны фиксирует: «У народа есть какая-то массовая огромная потребность в каких-то других, новых формах жизни на земле. Это я слышу всюду. Этого я не слышал и не слышу только среди руководящих лиц» [Бордюгов, 1995, с. 73].

Если говорить о сегодняшнем обществе, то, несмотря на массивную критику со стороны Запада, экономические санкции и контрсанкции, демонизацию Путина, ухудшение материального положения, интеллектуальную и нравственную атмосферу в стране определяет поколение, испытавшее на себе «лихие» 1990-е гг. Общество противодействует попыткам Запада «поставить Россию на место», но при этом остро полемизирует по вектору и способам дальнейшего движения страны.

Не вдаваясь в полемику об открытом или скрытом противостоянии власти и общества, хочу внести два существенных уточнения. Во-первых, взаимоотношения власти и общества должны описываться гораздо более сложной моделью, нежели просто конфликтом. Имели место и сотрудничество, и взаимные апелляции друг к другу – равно как и своеобразная игра в поддавки, обоюдные заигрывания по собственным, разработанным каждой из сторон для себя сценариям – либо по режиссуре стороны противоположной. Во-вторых, все-таки необходимо разобраться с тем, что собой представляет общество, прежде всего его ключевой сегмент, а именно – сообщество профессионалов, которое во многом брало на себя те самые функции, которые в классических демократиях традиционно выполняет гражданское общество. Причем советская власть вынуждена была не просто мириться с существованием подобного «гражданского общества», но и идти ему на определенные уступки, немислимые применительно к обществу остальному – массовому, находившемуся за пределами этого избранного круга профессионалов. Диапазон таких поблажек был весьма широким – от разного рода привилегий и спецпайков

до того, что сообществу профессионалов позволялось кроме официальной коммунистической идеологии исповедовать что-то еще. Скажем, когда после войны потребовалось в кратчайшие сроки создать собственный атомный проект, власть согласилась даже на фактическое «отключение» партийной инфраструктуры от всей атомной отрасли. А в годы «застоя» советское руководство как бы не замечало откровенно диссидентских настроений, ставших в то время чуть ли не господствующими в самых разных группах профессионального сообщества.

Казачество и интеллигенцию объединяет, на мой взгляд, то, что оба этих слоя действительно являлись альтернативой власти, испытывали на себе политику насилия, насильственного переселения, то есть депортацию, а также чистки, высылку за границу и лишение гражданских прав. Мне, безусловно, ближе вопросы, связанные с историей интеллигенции. Многие мои коллеги отмечают, что интеллигенция – это социальный креативный слой, для которого первостепенное значение имеет генерирование идей, работа со смыслами и, безусловно, морально-этическое начало. Но дальше начинаются расхождения. К примеру, уже упомянутый мной Дмитрий Андреев считает, что интеллигенция возникает из несвободы и условием ее существования является идеократический режим. Следовательно, интеллигенции сейчас в России нет. Для меня же, учитывая в определении интеллигенции гносеологический, идеологический и особенно политический критерии (наличие инакомыслящих, отделяющих себя от либералов и радикалов, проблема отщепенства – заявление, что это государство я не понимаю, я от него отделяюсь), в отличие от XIX–XX вв., сложились иные основания для ее характеристики и понимания ее функций. Да, можно не говорить о ней как о социальном слое, как о носителе идеологии. Можно не соглашаться с тем, что она стремится подчинить людей этой идеологии, как это делали большевики со своей утопической целью переформатировать народ и создать нового человека. Сейчас иная социальная структура в стране, иной уровень образования, а значит, можно говорить об интеллигентности как о качестве каждого человека. Для меня интеллигенцией являются сегодня те люди, чье поведение связано с солидарностью. Солидарностью с родителями, спасающими детей от тяжелых болезней, судьями, противостоящими коррупции в своей среде, журналистами и юристами, которые борются за искоренение пыток заключенных в тюрьмах. Возможно, именно в этом, на мой взгляд, и состоит новая самоидентификация интеллигенции, от этого зависит ее расположение в треугольнике «гражданское общество – интеллигенция – власть».

Интеллигенция уже не поводирь для народа, как раньше. Народ знает, куда идти и как жить. Но интеллигенция остается хранителем культуры, она может быть посредником между, например, народом и представителями высокой культуры, между народом и властью. Такие практики реально существуют в обществе, но мы часто не фокусируем на них того внимания, которого они заслуживают. Когда политика стала публичной, каждый интеллигент для себя решает – служить «денежным мешкам» или народу. И здесь вспоминается трагический рецепт из заключительного раздела «Заката Европы» Освальда Шпенглера: «Финальную схватку между

деньгами и народом может разрешить появление цезаризма. Появление цезаризма сокрушает диктатуру денег и ее политическое оружие – демократию... Меч одерживает победу над деньгами, воля господствовать снова подчиняет волю к добыче... Силу может ниспровергнуть только другая сила, а не принцип, и перед лицом денег никакой иной силы не существует. Деньги будут преодолены и упразднены только кровью» [Шпенглер, 1998, с. 538]. Противостоять этому опять-таки может стратегия солидарности, понимание и отстаивание интеллигенцией социальных прав других людей. К тому же в 1990-е гг. интеллигенция сама пережила испытание бедностью, унижением, когда люди массовых интеллигентных профессий стали «бюджетниками, оказывающими населению услуги».

Если говорить об итогах XIX и XX вв., то следует подчеркнуть, что интеллигенция пережила несколько иллюзий. Например, представление о том, что можно народ, народные культуру и верования перевести на язык науки и оформить в рациональных понятиях. Или любовь к хождению во власть, которая оказалась гораздо более сильной и горячей, чем к хождению в противоположном направлении – в народ. И этой своей страстью наша интеллигенция разительно отличалась от западных интеллектуалов. Те – если, например, говорить о Франции начиная с эпохи Второй империи, а то и раньше – всегда с удовольствием критиковали власть, провоцировали ее на реформы, выступали горячим материалом для революций. Но всякий раз, одержав идейные – а значит, и политические – победы над теми или иными режимами от Наполеона III и до де Голля, они отказывались идти во власть и предпочитали сохранять дистанцию между собой и новым режимом, утвердившимся во многом их стараниями, укрепляли институции гражданского общества. У нас же многие представители интеллигенции традиционно вели себя прямо противоположным образом: испуганно боролись с властью, обвиняя ее подчас даже в тех грехах, которые она вовсе и не совершала, но, когда им удавалось эту самую власть свалить, они изо всех сил устремлялись на освободившиеся вакансии. Безусловно, это нарушает равновесие в упоминавшемся треугольнике «гражданское общество – интеллигенция – власть».

Давайте не забывать, что часто именно власть потворствовала, а порой и организовывала хаос и анархию. Вспомним, как в декабре 1905 г. возник Союз русского народа, и Николай II первым надел на себя значок этой организации, на котором под восьмиконечным православным крестом имелась надпись: «За веру, царя и отечество». Император обратился к народу с воззванием, которое, пожалуй, не имеет аналогов в истории: «Объединяйтесь, русские люди. Я рассчитываю на вас. Я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России. Возложенное на меня в Кремле Московском бремя власти я буду нести сам и уверен, что русский народ поможет мне. Во власти я дам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к Союзу русского народа. Николай. 23 декабря 1905 года» [Правые партии... , 1998, с. 190–197].

Безусловно, надо отличать выступления против революции от самосудов, погромов – часто на этнической основе. Поначалу мимолетно воспринимались выходки

черносотенцев, появление множества авантюристов – людей без прошлого, с вымышленными биографиями. Но чем дальше, тем больше давали о себе знать «грязная пена» революции и аморальные поступки ее участников. Погромы со стороны «патриотов» прокатились по сотне городов 36 губерний России. В настоящей осаде погромщиков оказались университеты и гимназии.

А в 1917 г. все это повторилось снова. В феврале-марте очевидцы видели и трупы жандармов со вспоротыми животами в Петрограде, и дикую охоту на офицеров в Кронштадте и Гельсингфорсе, и самосуды в Луге и Ельце, и многие другие жестокости. «Родник живого народного творчества» нередко рождал такое, что отнюдь не соответствовало первоначальным ожиданиям революционеров. «Стихийный» социализм угнетенных содержал в себе не только созидательные, но и деструктивные начала. Те, кто столкнулся с ними, готовы были подписаться под словами Питирима Сорокина о том, что в революции в человеке «просыпается не только зверь, но и дурак» [Сорокин, 1991, с. 87]. Поражало поведение людей, но еще больше изумляла быстрая девальвация идеи демократии, причем со стороны как верхов, так и низов. В результате выбор совершался не между той или иной формой демократии, а между диктатурами «красной» и «белой».

Представление о хаосе со всеми сопутствующими факторами реанимировали 1991 и 1993 гг. Сейчас трудно уже предположить, как выполнялась бы программа ГКЧП. Однако то, что с тревогой ожидалось в случае победы путчистов, неожиданно проявилось в поведении демороссов, действовавших, по сути, как необольшевики. Такие рецидивы, как погром ЦК КПСС, сам способ захвата и дележа партийного имущества, идеологическая кампания типа «расследования о деньгах КПСС» с целью создания образа врага, чуть было не начавшаяся «охота на ведьм», – все это мало чем отличалось от большевистских методов. Лидеры «Демократической России», сторонники суверенизации бывшей РСФСР признавали, что с правовой точки зрения идея Беловежских соглашений о прекращении существования СССР ничуть не более законна, чем идея ГКЧП. События сентября-октября 1993 г. подтвердили неслучайность этого. Но уже тогда можно было зафиксировать цепочку фактов перерастания чрезвычайных мер в «чрезвычайщину», использование чрезвычайного положения для получения права на произвол. Это провоцировалось еще и тем, что ситуация оценивалась как акт гражданской войны между «красно-коричневыми» и «демократами». Но, увы, уже нынешним поколениям невозможно забыть такие рецидивы «чрезвычайщины», как призыв «уничтожить гадину», как объявление чуть ли не трети населения «коммуно-фашистским», как обращение доносить о лицах, проживающих в Москве без прописки, как выдворение из столицы приезжих с Кавказа, как избиения и издевательства, творимые правоохранителями по отношению к задержанным гражданам.

Есть ли выходы из хаоса? Есть. Для этого необходима прежде всего политическая воля. В 1905 г. Комитет министров, передавая полномочия Совету министров, предложил срочно пересмотреть законодательство об усиленной и чрезвычайной охране, введенное еще в августе 1881 г. За это же выступило и Особое совещание.

Оно признало, что выросло целое поколение, которое не видело иного порядка поддержания общественного благоустройства, не видело применения нормальных законов и, сталкиваясь с распоряжениями, вытекавшими не из прямого смысла общих законов, а из предоставленных исключительными правилами полномочий, утрачивало сознание их исключительности, теряло чувство законности и в то же время проникалось недовольством к произволу власти.

По-другому поступили революционеры после Февральской революции 1917 г.: полиция и охранка были просто распущены. Большевики, объявившие массовый террор формой управления, начиная с осени 1918 г. стали отказываться от этой политики. Так им удалось удержать власть на ограниченной территории России. Симптоматичным признаком неожиданного поворота стало появление 13 августа в «Правде» статьи Николая Бухарина «Порядок». В ней он попытался как раз опереться на господствующее чувство по крайней мере городского среднего обывателя. Это был довольно значительный слой. Большевики его потеряли и не особенно привлекали к сотрудничеству. А такое сотрудничество было крайне необходимым, так как от этого слоя зависело налаживание порядка. Представители данного слоя были готовы «голосовать хоть за царя, хоть за самого черта, лишь бы эти силы гарантировали ему, что на улицах не будет стрельбы». Ленину удалось благодаря невероятным усилиям выйти из Гражданской войны в пространство более или менее либерального режима властвования. Сталин же из своей «революции сверху» — свертывания нэпа, сплошной коллективизации и раскрестьянивания — и заданной ею логики действий выйти не смог или не захотел, поскольку в любом движении «назад» видел угрозу своей власти. Более того, он возвел чрезвычайные меры в постоянную систему управления. Таким он видел возврат к государственности, вводившей стихию в берега стабильности. А если говорить о Ельцине, то он, как мы помним, сначала подталкивал страну к хаосу для захвата власти, переделу государственной собственности и освобождению России от Советского Союза, а затем с трудом наводил порядок для возвращения к государственности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс. X–XXI вв. Москва: АИРО-XXI, 2004. 158 с.

Бордюгов Г.А. Большевики и национальная хоругвь // *Родина*. 1995. № 5. С. 72–77.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система // *Рубежи*. 1995. № 1. С. 35–69; № 2. С. 32–53; № 3. С. 42–60; № 4. С. 32–44; № 5. С. 29–46; № 6. С. 44–65.

Правые партии: документы и материалы, 1905–1917 гг.: в 2 т. Т. 1. Правые партии 1905–1910 гг. Москва: РОССПЭН, 1998. 718 с.

Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. Москва: АИРО-XXI, 2005. 319 с.

Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: МП «Шыпас», 1991. 304 с.

Шмитт К. Разговор о власти и о доступе к властителю // *Социологическое обозрение*. 2007. Т. 6. № 2. С. 27–38.

Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Москва: Мысль, 1998. Т. 2. 606 с.

REFERENCES

Andreev D.A., Borduygov G.A. *Prostranstvo vlasti ot Vladimira Svyatogo do Vladimira Putina. Kratkiy kurs. X–XXI vv.* [The space of power from Vladimir the Saint to Vladimir Putin. A short course. X–XXI centuries]. Moscow: AIRO-XXI, 2004. 158 p. (in Russian).

Borduygov G.A. Bol'sheviki i natsional'naya khorugv' [Bolsheviks and the national banner], in *Rodina*. 1995. No. 5. Pp. 72–77 (in Russian).

Pivovarov Y.S., Fursov A.I. Russkaya sistema [Russian system], in *Rubezhi*. 1995. No. 1. Pp. 35–69; No. 2. Pp. 32–53; No. 3. Pp. 42–60; No. 4. Pp. 32–44; No. 5. Pp. 29–46; No. 6. Pp. 44–65 (in Russian).

Pravye partii: dokumenty i materialy, 1905–1917 gg. [Right parties: documents and materials, 1905–1917]. Moscow: ROSSPEN. 1998. Vol. 1. 718 p. (in Russian).

Solovey V.D. *Russkaya istoriya: novoe prochtenie* [Russian history: a new reading]. Moscow: AIRO-XXI, 2005. 319 p. (in Russian).

Sorokin P.A. *Dolgiy put'* [A long way]. Syktyvkar: Shypas, 1991. 304 p. (in Russian).

Schmitt K. Razgovor o vlasti i o dostupe k vlastitelyu [Talk about power and access to the ruler], in *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2007. Vol. 6. No. 2. Pp. 27–38 (in Russian).

Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of World History]. Vol. 2. Moscow: Mysl', 1998. 606 p. (in Russian).

Статья принята к публикации 22.04.2022